

Проблема экстаза

Европейскую критику интересуется, когда спит Валерий Гергиев

Концертом-финалом фестиваля Брукнера в Линце Валерий Гергиев и оркестр Мариинки завершили европейское турне — сногшибательное по географии, скорости передвижения по странам и репертуару. Прага, Бухарест, Марибор, Мюнхен, Будапешт. В столице Австрии Гергиев открывал знаменитый годовой цикл «Интернациональные симфонические оркестры». А через день (заяв «паузу» концертом в Будапеште и ночью вернувшись в Австрию, благо езды четыре часа) maestro встал за пульт в Брукнерхауз, где закрывался всемирно известный фестиваль.

Юлия КАНТОР

Автор этих строк «совпал» с Гергиевым и его оркестром на австрийском, заключительном отрезке гастролей. В Вене и Линце программа была идентичной: «Прометей» («Поэма огня») Скрябина и Седьмая симфония Брукнера. А вот залы, публика и качество игры, в отличие от программы, разнились. В венском Концертхауз Скрябин звучал как будто чужим, и страстность Александра Горазде (соло на рояле) воспринималась как нечто эпатажное. «Прометею» порой явно не хватало огня, несмотря на титанические усилия Валерия Гергиева. Публика, впрочем, к русскому «Прометею» отнеслась вполне благосклонно. Брукнеровская симфония была исполнена с ожидаемо жестким энергетическим напором. «Это же не

Малер!» — воскликнул мой сосед в зале, оказавшийся директором Венской музыкальной библиотеки. Любопытно, что сам Гергиев, уже после концерта делясь впечатлениями, упомянул: «Брукнера мне помогает дирижировать Малер, которого мы исполняем очень много». Зал еще рукоплескал русским гостям, а они уже думали о Линце.

«Брукнеровский фестиваль имеет целью стать центром кристаллизации множества музыкальных течений в эпоху, когда стремительно изменяются социальные, а значит и культурные идылы и стереотипы» — так определил концепцию фестиваля его художественный руководитель Вольфганг Винклер. Финальный концерт фестиваля стал не просто точкой, а воскличительным знаком. И «Прометей», и Седьмая симфония в исполнении Мариинского оркестра были почти

безупречны. Фантастическое, зажигающее напряжение Брукнера и богатство отточенной мелодики Скрябина заставили публику аплодировать стоя. «Нам помогала и магия места, оказывающаяся сильнее усталости, — улыбается Гергиев. — Играть в Доме Брукнера его сочинения можно и нужно только на эмоциональном максимуме. Действительно, последний рывок коллектив отыграл отлично». Сам Гергиев выглядел еще более усталым, возвращаясь в Петербург, чтобы продирижировать «Борисом Годуновым» на открытии сезона. (А уже вчера maestro улетел на гастроли на Тайвань).

Кстати, об интенсивности гергиевских передвижений: австрийский журнал «Оперный бинокль» посвятил художественному руководителю Мариинки статью под названием «Когда спит Валерий Гергиев?». Из текста статьи вытекало — никогда. А на пресс-конференции один из австрийских журналистов задал Гергиеву провокационный вопрос: «Есть точка зрения, что вы реализуете слишком много проектов — не так ли?». «Такую интенсивную гастрольную жизнь нам диктует тяжелое финансовое положение России, мы ездим

*Известия - 2002
- 9 окт - с. 8.*

СЕРГЕЙ МАКСИМИШИН

Валерий Гергиев завершил европейское турне

действительно больше, чем это может быть в норме. Я могу заключить выгодные контракты с зарубежными оркестрами, и вы это знаете, и запросто покинуть Россию. Но я не хочу этого, так как не могу работать без моей родины, вне Петербурга», — ответил Гергиев. Что касается итогов европейских гастролей, то вот реплика итогового фестивального буклета: «Творец человека и носитель культуры — Прометей — стоит в центре симфонической поэмы Скрябина. Мифологический герой, бунтарь Прометей похитил у богов огонь и принес его людям, за что был прикован Зевсом к скале. Это было на Кавказе, на родине Валерия Гергиева». Конец цитаты.

Вена—Линц